

С оригиналом статьи на английском языке можно ознакомиться по ссылке:
<http://freepolicybriefs.org/2012/10/15/corruption-in-eastern-europe-as-depicted-by-popular-cross-country-corruption-indicators/>

Коррупция в Восточной Европе, отображаемая популярными в научном сообществе межстрановыми индикаторами коррупции

Автор: Maria Perrotta, SITE
15 октября 2012 г.

В последние годы из разных источников появились по-разному определяемые индексы коррупции, призванные не только повысить степень осведомленности академического сообщества о коррупции, но и предоставить исследователям более точные данные для анализа её причин и последствий. Большинство этих индексов привлекло большое общественное внимание и регулярно цитируется в сводках новостей о коррупции по всему миру. Тем не менее, в исследовании для Всемирного банка (2006 г.) Стивен Нэк (Stephen Knack) указывает на то, что особые свойства и ограничения, присущие этим индексам (индикаторам), часто игнорируются пользователями. Это приводит порой к неверной интерпретации, а порой и к разногласиям по поводу фактической ситуации (в данной стране или в данном регионе), а также по поводу её изменения во времени. В первой части нашего резюме приведены основные выводы из исследования. Во второй части представлены – как иллюстрация обсуждаемых вопросов – обновленные данные из разных источников о последних тенденциях в области распространения коррупции в странах – новых членах ЕС и их восточных соседях.

Существующие индикаторы коррупции различаются между собой во многих отношениях: в том, откуда взяты исходные сведения или оценки, как они формируются, кто является их заказчиком или аудиторией, и какой из многих коррупционных аспектов они призваны отразить. По этим причинам ни один из индикаторов или источников данных не является абсолютно пригодным для всех потенциальных задач.

Индикаторы коррупции можно разделить на три основные группы: основанные на опросах фирм или домохозяйств; содержащие экспертные оценки; популярные в последнее время *сводные индексы*.

Приведем два примера представленных ниже индексов, основанных на опросах фирм: *Business Environment and Enterprise Performance Survey (BEEPS)* (Исследование деловой среды и эффективности предприятий) и «*Executive Opinion Survey*» – исследование мнений менеджеров, ежегодно проводимое Всемирным экономическим форумом (ВЭФ). Похожие обследования предприятий проводят Всемирный банк и Институт менеджмента в Лозанне (IMD). Последний публикует *IMD World Competitiveness Yearbook* (Ежегодный рейтинг мировой конкурентоспособности) – глобальное исследование (и рейтинг) стран мира по показателю экономической конкурентоспособности. Однако индикаторы BEEPS и ВЭФ более систематичны, лучше сопоставимы по странам и годам, имеют более широкий охват, раскрывают больше информации о своих определениях и методологии, что делает их, в известном смысле, более удобными инструментами, с точки зрения исследователей.

Опросы довольно хорошо подходят для оценки административной коррупции, так как позволяют измерить распространенность коррупции, с которой сталкиваются граждане – пользователи государственными услугами. Опросы позволяют измерить и ряд аспектов «захвата государства» (*state capture*)¹: респондентов спрашивают об ощущаемом ими неправомерном воздействии на законы и правила, влияющем на бизнес. Однако опросы гораздо менее эффективны в оценке распространенности коррупционных сделок, происходящих исключительно в сфере государства, например, в случаях подкупа чиновников политиками или «нецелевого использования средств». Не так-то легко поддаются исследованию с помощью опросов и многие категории *конфликта интересов* – например, наличие пакетов акций в собственности государственных чиновников или же обещание им «трудоустройства» со стороны руководства фирм (*World Bank, 2000*).

Экспертные оценки весьма широко используются при сравнении коррупции по странам и периодам времени (из-за значительного охвата обоих этих измерений). Подобные оценки предоставляет большое и постоянно растущее число организаций. Некоторые примеры: *Nations in Transit (NIT)* от организации «Freedom House», *International Country Risk Guide (ICRG)*, *Country Policy and Institutional Assessment (CPIA)* от Всемирного банка. Рейтинги из этих источников основаны на оценке коррупции сетью корреспондентов, обладающих экспертными знаниями о каждой стране. В некоторых случаях окончательные рейтинги определяются централизованно, небольшой группой людей. За индексами стоят самые разные организации, что может выражаться в нацеленности рейтингов на те или иные факторы. Одни организации являются правозащитными НПО, другие – коммерческими фирмами, предлагающими свои рейтинги транснациональным инвесторам или платным подписчикам. Например, большинство клиентов ICRG заинтересованы скорее в изучении тех условий, с которыми сталкиваются иностранные инвесторы, чем условий, в которых существуют граждане данной страны. На рейтинги коррупции, составленные агентствами по развитию, могут влиять их заказчики (если они, например, учитывают воздействие рейтингов на принятие решений о выделении финансовых средств или на отношения с местными партнерами).

Важной особенностью экспертных оценок коррупции, по сравнению с опросами фирм или домашних хозяйств, является то, что в первом случае акцентируется не столько практика, сколько ощущение. Кроме того, при обследовании фирм можно задавать объективные и конкретные вопросы, поскольку там респонденты составляют более однородную группу. Например, типичный вопрос относительно заявки на подключение электричества может звучать так: «Предполагался ли или требовался ли в этой связи неофициальный подарок или плата?» (опросник ВЕЕПС, 2009). И наоборот, вопросник, адресованный группе, в состав которой входят государственные чиновники, ученые, журналисты и т.п., призван формулировать вопросы так, чтобы на них мог внятно ответить любой из респондентов. Для этого вопросы должны быть сформулированы в более общем ключе.

В последнее время популярными стали сводные индексы. Хорошо известны такие из них, как широко цитируемый «*Corruption Perceptions Index*» («Индекс восприятия коррупции»), который публикует Transparency International, и индекс «*Control of Corruption*» («*Борьба с коррупцией*») Института Всемирного банка (ИБВ) (*Kaufmann, Kraay and Mastruzzi, 2008*). Хотя применяемые при их разработке статистические методы немного различаются, оба индекса стандартизируют несколько индикаторов коррупции (таких как ICRG, CPIA и даже результаты опросов), приводят их к

---

¹ Термин означает возможность для фирм влиять на формирование базовых правил игры, выраженных в законах, указах и постановлениях, путем подкупа чиновников или политиков (*прим. перев.*).

сопоставимым показателям, а затем агрегируют так, чтобы получить для каждой страны единое значение. В результате сводным индексам присущ той же недостаток, что и индикаторам коррупции из индивидуальных источников, таких как ICRG, NIT или CPIA: если какой-либо компонент сводного индекса построен непрозрачным образом, то непрозрачным окажется и весь сводный индекс. Дальнейшие ограничения вводятся в процессе агрегирования. Сводные индексы лишены формального определения, но неявно определены своими компонентами. Используемые при создании сводных индексов источники могут быть разными, в зависимости от периода времени и от страны. Весьма вероятно, что для любой пары сопоставленных стран показатели индекса отражают их неодинаковые (подразумеваемые) определения коррупции.

Процедура стандартизации, применяемая для размещения разных показателей на общей шкале, исключает возможность четко отслеживать изменения их значений во времени. В довершение следует отметить такую проблему сводных индексов, как взаимозависимость экспертных источников. Если экспертные оценки проявляют высокую степень корреляции (вызванную тем, что эксперты соотносят свои рейтинги с рейтингами коллег, или что все их оценки основаны на одних и тех же источниках информации), то это может подорвать основную предпосылку методики агрегирования: «Чем больше источников информации, тем точнее и надежнее оценка». Добавление лишнего экспертного источника, в котором мало новой информации (и который исходит из тех же баз данных, что и его конкуренты, или даже перепроверяет их рейтинги), может на деле снизить точность сводного индекса.

Общая рекомендация в отношении применения более широких критериев коррупции (не считая тех – присущих отдельным их типам – недостатков, о которых говорилось выше) касается необходимости их использования по назначению. Для некоторых задач могут быть предпочтительнее более широкие критерии. Например, исследователь, изучающий зависимость между коррупцией и экономическим ростом, может не проявлять особого интереса к тому, какие именно аспекты коррупции в наибольшей степени препятствуют росту экономики. В таком случае его вполне могут удовлетворить более общие критерии. Однако для других задач могут понадобиться специализированные критерии. Например, финансовый донор, оплачивающий реализацию проектов в той или иной стране, может интересоваться оценкой коррупции в сфере государственных закупок, тогда как донору, оказывающему помощь бюджету, нужна оценка вероятности нецелевого использования средств. Для проведения эффективных антикоррупционных реформ требуется применять узкие критерии, позволяющие выявлять конкретные проблемные области и отслеживать прогресс, достигнутый с течением времени, и так далее.

Наконец, важно помнить, что для оценки изменений во времени больше подходят одни показатели, и меньше – другие. В этом отношении широкие, многомерные индикаторы – источники потенциальной проблемы, так как невозможно гарантировать, что присвоенные разным их аспектам удельные веса со временем не изменятся. Некоторые индикаторы лишены фиксированных и четких критериев для каждого уровня рейтинга, так что нельзя ручаться, что из года в год одна и та же величина означает тот же уровень коррупции.

Памятуя об этом, легко понять причины следующего парадокса. Если выработка общей оценки ситуации и тренда в сфере коррупции зачастую не представляет большого труда, то по конкретным странам (например, где улучшения есть, а где нет) разные источники нередко имеют заметные расхождения. Наглядным примером таких расхождений служат приводимые ниже данные из разных источников о последних трендах в сфере коррупции. В фокусе нашего внимания: новые члены ЕС (Эстония, Болгария, Румыния, Словения, Словакия, Чехия, Венгрия, Польша, Литва и Латвия),

обозначенные как «группа ЕС», и бывшие республики СССР, исключая прибалтийские (Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан), обозначенные как «группа СНГ» [1].

Новые члены ЕС и соседи на востоке: оценка уровней/трендов коррупции

Business Environment and Enterprise Performance Survey (BEEPS) – это охватывающий ряд стран репрезентативный опрос коммерческих фирм на предмет оценки коррупции и иных проблем, с которыми сталкивается бизнес в регионе ЕЦА. Опросы в рамках BEEPS проводятся при финансовой поддержке Европейского Банка Реконструкции и Развития (ЕБРР) и Всемирного банка, и с 1999 г. охватил практически все страны региона. Две последние «волны» опросов с широким охватом перечисленных стран пришлись на 2005 г. и 2009 г. Обычно такие обследования содержат целый ряд вопросов, относящихся к узким аспектам коррупции, и именно так выглядят опросы в рамках BEEPS.

Судя по опросам BEEPS, самые драматичные изменения за период с 2005 г. по 2009 г. пришлись на так называемый «коррупционный налог», т.е. долю годового объема продаж, которую фирмы выплачивают в виде «неформальных платежей или подарков государственным чиновникам ради продвижения дела». В странах – новых членах ЕС этот «налог» вырос, в среднем, более чем в четыре раза – с 0,72% до 3,11% доходов фирмы. Положительные значения [динамики] «коррупционного налога» в 2005 году отмечали 28,12% фирм, а в 2009 году их доля увеличилась до 62,1%, хотя это, возможно, отражает лишь возросшую откровенность в ответах на вопросы. В группе стран СНГ соответствующие увеличения были более умеренными: по «коррупционному налогу» – с 1,31% до 4,26%; по доле фирм, отметивших «положительные значения» – с 40,7% до 60,1%. Единственной страной, где коррупционный налог не увеличился, была Польша, хотя данных за 2009 год не было по Беларуси, Грузии, Таджикистану, Украине и Узбекистану. Наибольший рост был отмечен в Эстонии и Словении, однако среди стран СНГ они начали с самых низких уровней (0,29 и 0,17 соответственно). По другим показателям эти две страны, как мы убедимся позже, последовательно выделяются как лучшие в своей группе. Это кажущееся противоречие может быть связано с различным отношением к отчетности в этих странах. Аналогичным образом, низший уровень «коррупционного налога» в группе стран СНГ за 2009 г. отмечен в России (1,31), тогда как высший уровень (8,8) зафиксирован в Азербайджане – стране, которая по другим показателям выглядит относительно неплохо.

Если исключить коррупционный налог, то ответы на многие другие вопросы о коррупции в опросах BEEPS свидетельствуют о некотором улучшении. Например, в 2005 г. о том, что для достижения цели в бизнесе взятки были «необходимы часто, обычно или всегда», сообщили около 13,4% фирм в странах ЕС (24% – в группе СНГ), а в 2009 г. эти цифры снизились до 6,75% (18,8%). Большинство ответов на вопросы, касающиеся конкретных государственных услуг, также демонстрируют сокращение числа случаев вымогательства взяток (например, со стороны сотрудников налоговых, таможенных и судебных органов).

Оценка справедливости судов стала хуже в обоих регионах, но при этом значительным препятствием для развития бизнеса этот фактор назвали меньше фирм, чем в 2005 г. Кроме того, доля фирм, признающих, что для получения государственного контракта они платят «откаты» (и доля продаж, уходящая на эти выплаты), за этот период

уменьшилась (для новых членов ЕС – заметно, но для бывших советских республик – незначительно).

В этом отношении наилучшие результаты показывают опять-таки Словения и Эстония, а в группе СНГ - Армения. Откаты обходятся дороже всего в Латвии (3,06% объема продаж) и России (4,65%). Однако доля фирм, называющих коррупцию крупнейшим препятствием для ведения бизнеса, увеличилась в обоих регионах [2]. В группе СНГ (в целом) доля фирм, считающих коррупцию главным препятствием ведению бизнеса, выросла с 6,4% в 2008 г. до 8,16% в 2009 г. Среди отдельных стран с максимальной долей таких фирм (в первой и во второй группах) называют, соответственно, Румынию (9,5%) и Азербайджан (17,8%). Как ни странно, наибольший рост этого показателя с 2005 г. по 2009 г. отмечен в Польше – единственной стране, где «коррупционный налог» фактически сократился. Это подчеркивает, как сложно агрегировать информацию из этих источников, учитывая, что в разных странах один и тот же индикатор отражает неодинаковые аспекты ситуации.

В связи с оценкой изменений ситуации во времени большие трудности возникают из-за того, что разные показатели коррупции в стране часто имеют противоположную динамику. Например, в Венгрии и Азербайджане отмечен наибольший рост коррупционного налога, но одновременно и резкое сокращение размеров «отката» за получение государственных контрактов, и учесть баланс двух этих факторов весьма непросто. Этим объясняется и то, почему картина, складывающаяся из таких данных, не всегда согласуется с составными индексами (о которых речь пойдет ниже), хотя они частично основаны на тех же самых результатах обследования.

Еще одним межстрановым опросом является проводимое **Всемирным экономическим форумом (ВЭФ)** исследование мнений менеджеров фирм (*Executive Opinion Survey*). В каждой стране делается выборка из руководителей фирм, желательно с международным опытом работы (как правило, в больших фирмах-экспортерах). Вопросы сформулированы так, чтобы узнать «экспертные мнения лидеров бизнеса» о коррупции и по другим темам, тогда как непосредственному опыту фирмы уделяется гораздо меньше внимания. Кроме того, целью опроса является анализ делового климата в масштабе всей страны, а не на уровне отдельной фирмы. Взятые из этого опроса межстрановые рейтинги по нескольким аспектам коррупции ежегодно публикуются в «Отчете о мировой конкурентоспособности» (*Global Competitiveness Report*) ВЭФ. Рейтинги вычисляются как среднее арифметическое из всех ответов руководителей фирм.

Данные ВЭФ за 2011 г. включают в себя семь переменных, касающихся коррупции, которые имеют единую шкалу значений – от низшего (1) до высшего (7). Эти семь переменных таковы: нецелевое использование государственных средств, неправомерные платежи и взятки, пределы независимости судебных властей, фаворитизм в решениях правительственных чиновников, бремя госрегулирования, прозрачность политики правительства и этические нормы поведения фирм. Выборка охватывает в общей сложности 142 страны (в том числе и многие развитые страны) и включает большинство стран, о которых говорилось выше. В группе ЕС как средний балл, так и средний ранг – чуть выше, но за средними значениями скрываются значительные различия между разными странами и по разным измерениям.

В частности, группа СНГ ранжирована ступенью выше в отношении того, в какой степени государственное регулирование воспринимается бизнесом как бремя, а также в смысле ощущаемой им прозрачности политики. Когда же дело доходит до оценки фаворитизма при принятии решений должностными лицами, оба средних значения сильно сближаются. По данным ВЕЕПС, самые резкие различия между двумя группами

стран наблюдаются, по-видимому, в показателях распространенности незаконных платежей и взяток.

Тем не менее, некоторые страны второй группы, такие как Грузия и Таджикистан, имеют более высокий средний рейтинг, чем большинство новых членов ЕС, и даже в мировом контексте позиционируются по ряду измерений весьма неплохо. Например, в отношении (отсутствия) бремени госрегулирования Грузия занимает седьмое место в мире, хотя по большинству других параметров она не попадает в верхнюю квартиль и даже в верхнюю половину рейтинга. С другой стороны, в ряде отношений некоторые из новых членов ЕС зарекомендовали себя плохо. Так, по степени фаворитизма государственных чиновников Словацкая Республика оказалась на сто тридцать пятом месте (из 142), а Чехия стала сто двадцать четвертой в рейтинге нецелевого использования государственных средств.

По сравнению с 2010 г. рейтинг группы ЕС несколько ухудшился, а рейтинг группы СНГ – улучшился. Говоря подробнее, в первой группе рейтинг половины стран снизился, в том числе в некоторых случаях – весьма существенно (рейтинги Эстонии, Польши и Словении снизились более чем на один балл), а рейтинги остальных стран улучшились, хотя и не столь эффектно. С 2010 года во второй группе средний рейтинг улучшился у всех стран, кроме одной (Грузия), причем самый большой прогресс отмечен в Азербайджане (на 1,5 балла).

В отличие от описанных выше опросов, в исследованиях NIT, CPIA и ICRG (в каждом из них) предлагается единый критерий коррупции, призванный синтезировать её различные аспекты.

Индекс NIT в основном отражает воздействие коррупции на бизнес, измеряя её по шкале от 1 до 7, где «1» означает наилучший рейтинг, а «7» – наихудший, с допустимым шагом в четверть пункта.

За последние пять лет диапазоны изменения рейтингов в двух регионах не перекрываются: новые страны ЕС всегда позиционировались ниже отметки в четыре балла, тогда как страны группы СНГ все оставались значительно выше этого порога. Это значит, что лучшие по результатам страны этой группы (Грузия и Армения) имеют стабильно худший рейтинг, чем худшие по результатам страны ЕС (Болгария и Румыния). Тем не менее, в указанный период между двумя регионами со временем проявляются весьма похожие тенденции. В обоих случаях графики средних значений – очень плоские, с небольшим восходящим (т.е. в сторону ухудшения) трендом. В случае группы ЕС это отражает тот факт, что рейтинги пяти стран ухудшились, трёх стран – остались без изменений, и только у двух (Эстония и Литва) отмечен небольшой прогресс. Самые низкие (и, следовательно, лучшее) рейтинги – у Эстонии и Словении (2,25). В другой группе рейтинг улучшили также лишь две страны – Армения и Грузия. У них также самые низкие баллы в регионе, соответственно, 5,25 и 4. У шести стран рейтинги остались стабильными, у четырех – ухудшились. Самый высокий (и, следовательно, наихудший) балл (6,75) получили Туркменистан и Узбекистан.

В исследовании CPIA «Прозрачность, подотчетность и коррупция в государственном секторе» (*Transparency, Accountability and Corruption in the Public Sector*) оценка дается по шести-балльной шкале, где более низкий уровень соответствует худшей ситуации, в смысле коррупции. Поскольку этот показатель фокусируется на менее развитых странах, постольку на группу ЕС он не распространяется. Самые последние из имеющихся данных относятся к периоду 2008-2011 гг., когда из шести развивающихся регионов мира свои показатели улучшили четыре региона.

В отличие от ситуации, описываемой *NIT* (стагнация с небольшим ухудшением), рейтинг *CPIA* диагностирует в регионе ЕЦА самый быстрый рост (в 2011 г. повышение до 2,87). Это контрастные оценки можно объяснить тем, что в выборку *CPIA* включены лишь шесть стран из группы СНГ: Азербайджан, Армения, Грузия, Кыргызстан, Молдова и Узбекистан. Если мы измерим среднее значение только в этих шести странах, то здесь и рейтинг *NIT* улучшился примерно на ту же относительную величину (1,5% от диапазона значений). В то же время между двумя индексами нет единства в том, которые из стран заслуживают высшей оценки, а которые – низшей. В частности, улучшилась в обоих рейтингах позиция только у Грузии, тогда как Узбекистан, например, получил лучший балл согласно *CPIA*, но худший – согласно *NIT*; если у Армении и Азербайджана показатели *NIT*, соответственно, улучшились и ухудшились, то их рейтинги *CPIA* остаются без изменений; для Молдовы же верно обратное.

В отличие от *CPIA*, выборка *ICRG* включает в себя наиболее развитые страны. Задачей *ICRG* является определение относительной частоты коррупционных сделок. Диапазон рейтингов коррупции *ICRG* простирается от минимального значения (0) до максимума (6), где более высокий рейтинг соответствует лучшей (анти-коррупционной) ситуации.

Впрочем, последние имеющиеся данные [по *ICRG*] не столь злободневны, как данные по другим обсуждаемым нами индикаторам. В течение трех лет (до 2007 г.), средний рейтинг в обеих группах оставался стабильным: около 2,5 – у новых членов ЕС и 1,8 – у бывших советских республик, хотя из одиннадцати стран этой группы [в рейтинг] включены только три. В этом случае оба диапазона значений для двух регионов также не перекрываются.

В группе ЕС рейтинг Литвы опустился, в то время как рейтинг Польши немного поднялся. Наилучшие показатели вновь имеют Эстония и Словения, а также Венгрия. Самый низкий рейтинг [*ICRG*] в регионе (как и рейтинг *NIT*) отмечен у Болгарии (вместе с Латвией). В группе СНГ все три страны добились улучшения, хотя и с предельно низкого уровня. Это не противоречит другим оценкам, поскольку данные относятся к более раннему периоду. Из всех трех стран самая высокая оценка – у Молдовы (но все еще низкие 1,5 балла).

Два широко известных сводных индекса коррупции (**индексы TI и WBI**) демонстрируют значительные различия между членами ЕС и их восточными соседями. Средний балл – варьирующийся от 1 до 10 и от -2,5 до 2,5, соответственно, – в первой группе намного выше, чем во второй. Аналогично, места по рангу – от 1 (лучшее) до 182 (худшее) для TI, и на обратной шкале от 0 (худшее) до 100 (лучшее) для WBI – отражают намного худшую ситуацию в группе СНГ. Тем не менее, за период с 2009 г. по 2010 г. республики бывшего СССР улучшили свои рейтинги по WBI, в отличие от новых членов ЕС, зафиксировавших небольшое ухудшение. Хотя *изменения во времени* этих индексов следует принимать с осторожностью, они согласуются с сопоставлениями ВЭФ за период 2010-2011 гг.

Два индекса едины и в том, что касается лучших и худших участников – соответственно, Эстонии и Болгарии в первой группе (в 2009 г., по индексу WBI, лучшим участником была Словения); Грузии и Туркменистана (вместе с Узбекистаном, по индексу TI) – во второй. С 2009 г. наибольшее улучшение (Литва) и наибольшее ухудшение (Словения) имело место в группе стран ЕС. В то же время сравнительно большая доля стран группы СНГ добилась улучшения, что отражается в меньшем падении их среднего балла. Основная разница между двумя индексами состоит в том, что WBI использует несколько источников и публикует значение [индекса] даже в тех случаях, когда доступен лишь один источник. Как следствие, при этом получается более широкий охват (TI требует, как минимум, трех источников). В других

отношениях оба индекса в основном совпадают, сталкиваясь при этом с одними и теми же трудностями.

Подводя итоги, мы констатируем, что ситуация по всем индексам, естественно, выглядит намного лучше в группе ЕС, чем в группе СНГ. Однако из этого отнюдь не следует, что в последние годы первая группа прилагала достаточно усилий. Со временем относительно больше свидетельств прогресса мы находим в группе СНГ, несмотря на низкие стартовые позиции. Лишь немногие страны проявили себя однозначно как наилучшие (наихудшие) участники. Одним из примеров является неизменно положительная динамика Грузии; для большинства других стран картина неоднозначна.

Учитывая разнообразие и широту индикаторов, этот вывод был предсказуем. Коррупция представляет собой такое широкое и многомерное явление, что из многих показателей и различных оценок неизбежно складываются разные, зачастую контрастные, изображения. Если до конца не ясно, какой именно аспект находится в фокусе исследования, и если не следовать четко одному конкретному критерию, то всякий вывод, в основе которого лежат общепринятые сравнения показателей коррупции (как между странами, так и во времени), необходимо принимать с достаточной осторожностью.

---

[1] Туркменистан и Узбекистан – это неформальные участники Содружества Независимых Государств (СНГ), а Грузия, начиная с 2009 года, вообще не является членом СНГ.

[2] Большими препятствиями [ведению бизнеса] в группе ЕС названы: высокие налоговые ставки (19% фирм-респондентов), затрудненный доступ к источникам финансирования, недостаточный уровень образования работников (в каждом случае 11%) и политическая нестабильность (10%). Для большинства фирм в группе СНГ самой серьезной проблемой стала практика конкурентной борьбы, сложившаяся в неформальном (теневом) секторе.

Литература и источники

- Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, and Massimo Mastruzzi. (2008). “Governance Matters VII: Aggregate and Individual Governance Indicators, 1996-2007.” World Bank Policy Research Working Paper 4654. Washington: World Bank (June 24).
- Knack, Stephen. (2006). *Measuring Corruption in Eastern Europe and Central Asia: A Critique of the Cross-Country Indicators*. World Bank Policy Research Working Paper No. 3968, Washington, D.C.
- World Bank (2000). *Anticorruption in Transition: a Contribution to the Policy Debate*. Washington DC: World Bank.
- European Bank for Reconstruction and Development, *Business Environment and Enterprise Performance Survey (BEEPS)*, <http://www.ebrd.com/pages/research/economics/data/beeps.shtml>
- World Economic Forum (WEF), *Executive Opinion Survey*, <https://wefsurvey.org/index.php?sid=28226&lang=en&intro=0>
- Freedom House, *Nations in Transit*, <http://www.freedomhouse.org/report-types/nations-transit>
- PRS Group, *International Country Risk Guide*, <http://www.prsgroup.com/icrg.aspx>
- Transparency International, *Corruption Perception Index*, <http://www.transparency.org/research/cpi/overview>
- World Bank Group, *Country Policy and Institutional Assessment*, <http://www.worldbank.org/ida>